

Психология. Социальная психология

УДК 316.346

О.А. Борисова

РЕПРОДУКТИВНАЯ МОДЕЛЬ ДОБРОВОЛЬНОЙ БЕЗДЕТНОСТИ

В статье анализируется демографическая ситуация; сопоставляются демографические показатели двух последних переписей населения, в частности, рассматривается изменение общей численности населения России и суммарного коэффициента рождаемости. Приводятся результаты социологического исследования репродуктивного поведения на территории Удмуртской Республики, проведенного Центром социальных исследований УдГУ, демонстрирующие сильные установки на детность, но ограниченные по числу детей малодетной моделью семьи; приводятся нормы детности; фиксируется устойчивая установка на одно- и двухдетную семью, то есть формирование малодетного типа репродуктивного поведения, когда потребность в детях ограничена на уровне меньше двух. Раскрывается понятие «добровольная бездетность», рассматриваются попытки обоснования возникновения и существования «добровольной бездетности», демонстрируется что всё большая распространённость этого явления; раскрывается двойственный характер его восприятия как маргинальной, но легитимной репродуктивной стратегии.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, репродуктивная стратегия, рождаемость, добровольная бездетность.

Современная демографическая ситуация характеризуется снижением рождаемости ниже уровня простого воспроизводства. Для достижения уровня простого воспроизводства населения необходимо, чтобы на один эффективный брак (то есть длящийся весь репродуктивный период жизни и обладающий в течение этого периода плодovitостью) приходилось в среднем 2,58 ребенка, или 2,1 ребенка в расчете на одну женщину без учета ее брачного статуса [7].

На 2014 год суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей в расчете на одну женщину в гипотетическом поколении за всю её жизнь при сохранении существующих уровней рождаемости в каждом возрасте независимо от смертности и от изменений возрастного состава) составил 1,75 ребенка. В межпереписной период с 2002 по 2010 год численность населения России сократилась на 2,4 млн человек: с 145,2 млн в 2002 г. до 142,8 млн в 2010 г. [6].

Дискурс по вопросу снижения рождаемости сводится к двум основным блокам. С одной стороны, фиксируется повышение социально-профессиональной активности населения, растет установка на самореализацию, особенно в женском исполнении вне домашнего хозяйства. Выравнивание гендерных ролей, отказ от традиционного разделения (женская сфера – приватная, мужская – публичная) с неизбежностью приводит к тому, что осуществление материнской функции для женщины перестает быть приоритетом: «Смысл жизни – работа, и смысл этот не хочется терять» [8].

С другой стороны, в рамках социально-демографических исследований фиксируется уменьшение разрыва между желаемым и ожидаемым числом детей (ключевые индикаторы в изучении репродуктивных ориентаций населения). Таким образом, формируется устойчивая ориентация на малодетную модель семьи.

Согласно данным исследования «Выявление репродуктивных установок и мотивации рождения ребенка на территории УР», проведенному в 2012 г. Центром социальных исследований УдГУ, потребность в детях остается довольно высокой. В общей системе ценностей установка на детность занимает 2-е место, 1-е – здоровье, 3-е – семья. Зафиксированные установки на детность достаточно сильные, но они ограничены незначительным числом детей, как правило, на уровне 1–2.

Сегодня каждая вторая женщина не реализует свой репродуктивный потенциал. Формируется устойчивая установка на одно и двухдетную семью. Таким образом, речь идет о формировании малодетного типа репродуктивного поведения, когда потребность в детях – не более 2. Среднететный тип репродуктивного поведения составляет потребность в 3–4 детях, а многодетный – в 5 детях и более. На сегодня сформировалась устойчивая тенденция малодетности, характерная в основном для городских жителей, и среднететности – для жителей сельской местности. Однако, учитывая низкую долю этой части населения и высокий процент отъезда молодежи из села, очевидно, что за счет только сельского населения не возможно исправить сложившуюся ситуацию. Таким образом, особую акту-

альность приобретает изучение репродуктивных установок (особенно причин отказа от рождения детей) и репродуктивной мотивации.

Помимо снижения нормы детности и формирования малодетной семьи, появляются новые формы брачно-семейных отношений: рост числа «гражданских», гендерно паритетных браков и однополовых браков. А также новые формы репродуктивного поведения: суррогатное материнство, рождение женщиной ребенка «для себя», откладываемая рождаемость, добровольный отказ от рождения ребенка.

Особую остроту приобретает вопрос добровольного отказа от рождения ребенка в ситуации здоровой плодовитости. В нашей стране, по данным Федеральной службы, из 42 млн. российских семей в 48 % нет детей моложе 18 лет, причем лишь в 5 млн. – по медицинским показателям [4]. Доля респондентов, декларирующих установку на бездетность, в целом по стране составляет 5,3 %. При этом доля окончательно бездетных – людей старше 45 лет, возрастного рубежа фертильности, – также увеличивается. По разным экспертным оценкам, их в стране 7–8 %. Перепись 2010 г., в частности, дает цифры 6,55 % и 5,83 % в 2002 году [9].

Бездетность – сама по себе явление не новое. Сознательно бездетные как социально-демографическая категория имели место задолго до распространения *чайлдфри*.

Термин “*childfree*” («свободный от детей») возник в США в противовес слову «childless» («бездетный»). Существуют разные версии происхождения и термина, и самого явления *чайлдфри*. Наиболее популярно мнение, что термин “*childfree*” впервые ввели американские феминистки Ширли Радл и Элен Пек. Особую популярность это явление приобрело в 1990-е гг., когда учительница младших классов из Калифорнии Лесли Лафэйетт образовала одну из первых современных групп – Childfree Network (CFN). В 2004 г. в России было создано интернет-сообщество сознательно бездетных на портале Livejournal.com, насчитывающее более 4 тысяч участников. На сегодняшний день нет единого термина для обозначения добровольно отказавшихся от рождения детей: *childfree*, «свободные от детей», добровольно бездетные, сознательно бездетные, не-родители, бездетные по выбору.

Репродуктивное поведение – система действий и отношений, опосредующих рождение или отказ от рождения ребенка в браке или вне брака. Репродуктивные установки выступают регулятором репродуктивного поведения, демонстрируя готовность индивида иметь определенное число детей в конкретной жизненной ситуации или отказаться от ребенка.

В зависимости от числа детей определяются тип детности: многодетность, среднететность, малодетность и массовая добровольная бездетность. На сегодня широкое распространение приобретает добровольный отказ от рождения ребенка, что совсем недавно казалось просто невыносимым. Сегодня этот вопрос находится в поле добровольного выбора репродуктивного поведения. Для УР явление добровольной бездетности пока не характерно. На уровне общественного мнения это явление осуждается. Так, с разной степенью неодобрения («скорее не одобряю»+ «полностью не одобряю») добровольную бездетность осудили 62,9 % жителей УР.

Одна из самых известных работ в области исследования добровольного отказа от рождения ребенка – работа Дж. Э. Виверс «Бездетные по собственному выбору». Согласно её исследованиям, *childfree* («свободные от детей») имеют семью, состоящую из двух людей, а иногда в понятие семьи включается домашнее животное. Это группа хорошо образованных людей, с высоким доходом, карьероориентированных, занимающих высокие должностные позиции, проживающих в основном в городах и, как правило, неверующих.

С точки зрения Виверс, «свободные от детей» по основным мотивациям бездетности делятся на два «класса»: «реджекторы» (те, кто испытывает отвращение к процессу рождения детей и к детям как таковым; «аффексьонадо» (те, кого привлекают прелести беззаботного, бездетного образа жизни – путешествия, артистическая, богемная жизнь, развлечения и т. д.) [2].

Существуют разные объяснительные модели добровольной бездетности: от психологических (страх ответственности материнства) до социально-детерминированных. Чаще всего причины добровольной бездетности пытаются объяснить в рамках следующих теорий: второго демографического перехода, рационального выбора, постматериалистических ценностей, предпочтений, гендерного равенства, избегания рисков [5. С. 67].

Ряд исследователей видит истоки формирования модели добровольной бездетности в разделении родительства и супружества. В частности, А.Г. Харчев отмечает, что потребность в детях становится самостоятельным фактором рождаемости, т.е. самостоятельным решением каждого индивида,

вне зависимости от того, состоит он в браке или нет, и имеется ли у него партнер на данный момент. Он всегда может воспользоваться разнообразием репродуктивных возможностей, в том числе оставаясь бездетным всю жизнь.

Другая группа исследователей, в частности, Т.А. Гурко, Берджин, формулируют объяснительные модели, исходя из трансформации традиционных ролей (позволяющие, прежде всего женщине, делать выборы, не связанные с семьей) в семье и гендерного контракта. Так, Т.А. Гурко считает, что у человека возникают потребности иметь интересы за пределами семьи под влиянием растущей индивидуализации и с повышением важности самореализации. Супруги становятся автономными друг от друга, и особое значение приобретает умение перестраиваться и быть «пластичными» для того, чтобы изменять модели поведения в супружеской паре, в связи с занятостью обоих супругов вне дома. Важной составляющей гармоничных супружеских отношений является умение не нарушать границы автономии супругов [1].

Согласно Берджин, добровольно бездетным парам свойственно помогать друг другу с карьерой, так как у них больше энергии остается друг для друга. Они карьероориентированы, занимаются самообразованием, легко адаптируются в карьерном пространстве. Соответственно, среди них зафиксирован более высокий уровень удовлетворенности работой. Поскольку в *childfree* семьях оба супруга, как правило, работают, естественно, что они зарабатывают больше, чем люди, имеющие детей.

Со стороны социального окружения добровольно бездетные подвергаются, как правило, давлению, поскольку дети считаются значимой ценностью. Согласно исследованиям Виверс, молодожены до двух лет совместной жизни не испытывают этого давления. Оно начинается с третьего года и достигает своего пика на четвертом и пятом году, после чего постепенно разрешается. Купер, Камбер и Хартнер обнаружили, что сопротивление этому давлению осуществляется несколькими способами: во-первых, акцентирование внимания на положительных чертах бездетного стиля жизни, предоставляющего возможность реализовать личностные цели; во-вторых, обсуждение осознанности подхода к родительству и качества воспитания, предоставляемого впоследствии неумелыми родителями [3].

Добровольная бездетность гармонично вписывается в теории рационального выбора, в которых дети воспринимаются сквозь призму прямых затрат и выгод, например, время и деньги. В частности, Г. Бекер рассматривает ребенка как инвестиционный проект. «В процессе экономического развития цена человеческого времени становится самостоятельным и важным фактором благосостояния семьи и личности, а с рождением каждого последующего ребенка объективно снижается и его “предельная” полезность для родителей» [5. С. 73]. У карьерноориентированных, высокообразованных, высококвалифицированных родителей (прежде всего, женщин) издержки, связанные с детьми, превышают приносимую ими «полезность». В таком контексте, преимущество бездетной жизни очевидно.

По Евробарометру 56.2 (в обработке Джона МакИннеса), большинство окончательно бездетных – это не чайлдфри, а также не больные и бесплодные (в настоящее время, по оценкам, медицина не в состоянии помочь лишь 2–3 % людей иметь детей, хотя изначально процент тех, кому ставится диагноз «бесплодие», выше, иногда намного). Основная часть – те, у кого так или иначе «не сложилось» – или брачно-партнерская жизнь, или они не смогли договориться сами с собой и вовремя определить себя со своими желаниями/нежеланиями [2].

Таким образом, добровольная бездетность становится всё более распространенным и менее осуждаемым явлением, постепенно охватывая различные социальные слои и группы. Это явление имеет вполне рациональные основания, вписывающиеся в контекст ритма современного общества, когда дети порой превращаются в «непозволительную роскошь» или не вписываются в жизненные планы: «Работа для меня – более интересная игрушка, чем ребенок» [8]. Согласно проводимым исследованиям, позиция «добровольно бездетных» в российском обществе носит маргинальный характер, но одновременно она признается легитимной репродуктивной стратегией. С другой стороны, базовая социальная потребность – потребность в детях – остается одной из самых сильных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурко Т. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008.
2. Исупова О. Добровольно бездетные или «свободные от детей». URL: <http://polit.ru/article/2010/10/15/childfree/>.
3. Лысова А.В. Психология семьи. Ч. 2. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2003.
4. Новоселова Е.Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России. URL: <http://www.socio.msu.ru/vestnik/archive/text/2012/1/06.pdf>.

5. Фахрисламова Р.Т. Основные теоретические подходы к объяснению феномена бездетности // Мониторинг Общественного Мнения: экономические и социальные перемены. 2015 № 3. С. 66-74.
6. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/
7. Борисов В.А. Демография. М.: Изд. дом NOTABENE, 1999.
8. Селивинова Е. Чайлдфри: без паники. Социологический взгляд. URL: http://www.chaskor.ru/article/chajldfri_bez_paniki_-_sotsiologicheskij_vzglyad_17446.
9. Соболевская О. Бездетность все чаще предопределяют убеждения // Демоскоп Weekly. № 609-610. 2014. 8-21 сент. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0609/gazeta011.php>.

Поступила в редакцию 14.07.16

O.A. Borisova

THE REPRODUCTIVE MODEL OF VOLUNTARY CHILDLISSNESS

The article presents analysis of the demographic situation, compares the demographic indicators of the last two censuses. In particular, it focuses on the changes in total population and total fertility rate. The paper presents the results of sociological research on reproductive behavior in the Udmurt Republic, which has been conducted by the Centre for Social Research of Udsu. These results demonstrate a pronounced positive attitude to parenthood, which is, however, limited by the family model with a small number of children. The parenthood norms are presented. A stable tendency to a one- or two-child family, i.e., to the formation of small-family type of reproductive behavior, when the demand for children is limited to a level less than two, is pointed out. The notion of voluntary childlessness is defined, attempts to substantiate the occurrence and existence of childlessness are considered. It is demonstrated that this phenomenon is becoming more and more common. The dual nature of its perception as a marginal, but legitimate reproductive strategy is shown.

Keywords: reproductive behaviour, reproductive strategy, fertility, voluntary childlessness.

Борисова Оксана Александровна, старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: boa_77@list.ru

Borisova O.A., senior lecturer
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: boa_77@list.ru